

Ирина Беньковская

«Бог вам в помощь, разбойнички...»

* * *

Там, где мост раскачался над бездной,
там, где висельник дует в дуду,
в ожиданье судьбы неизвестной
бродят мертвые в мертвом саду,

на глухих площадях хороводят,
караулят на каждом углу,
погребальные песни выводят,
погребальную варят смолу.

Отвернись, не гляди, мой хороший,
как по улицам, теплым от сна,
на телегах, покрытых рогожей,
проплывает чужая вина,

как над крышами зарево брезжит.
А когда занимается день –
подступает бирнамская нежить
из окрестных полей-деревень;

реют крылья, пылят колесницы,
приминая заброшенный шлях,
и железная рожь колосится
на потравленных черных полях.

Февраль

Пригоршня мелких звезд,
скол молодой луны;
синий суконный хвост,
тусклые галуны.

Пух замедляет двор,
клекот взмывает ввысь;
гнали во весь опор,
да не оторвались.

Меченный кровью снег,
траченный молью шлык;
волк, неокрепший век
пробующий на клык,

стелется по степи,
мчится вдогонку вскачь.
Не заживет: терпи.
Не пронесет: не плачь.

Не утихает крик,
лютый весенний гон.
Смушковый воротник;
пьяненький граммофон

что-то выводит вновь,
путается в слогах –
что-то про вражью кровь
на берегах-лугах;

«Не по щеке слеза –
я из Днепра теку».
...Вот и взглянул в глаза,
вовчику-братнику.

* * *

Не касаясь друг друга плечами, не слыша друг друга,
дотянуть до недужной весны – небольшая заслуга,
раздышаться на жестком ветру – небольшая отвага;
впопыхах нацарапать две строчки – все стерпит бумага.
Копит стыдные тайны горячее в мутных стаканах;
бродят тени в ночи, мертвецы в длиннополых жупанах,
не кончается ночь, не слышать петушиного крика,
заплетают трамвайные рельсы узлом повилика.

Бог вам в помощь, разбойнички. Прошлого нет – и не надо;
видишь, брезжит на том берегу бирюза Цареграда;
полумесяц, лимонная корочка, терпкая долька;
опрокинем по столько, а после еще по полстолько,
а последняя капля уходит в песок без остатка.
Выноси, гиппокампус, плыви, водяная лошадка,
хрупкий конь терракотовый, стойкий солдатик печальный;
жизнь качнет плавником, оттолкнувшись от стенки причальной,
чтобы все амаркорды с размаху отрезало разом,
чтобы рыба кружила, глядела базедовым глазом,
чтобы таяло солнце в бутылочной зелени над головою,
чтобы плыть без конца, никогда не прощаясь с тобою.

Четырнадцатый

Звенит июль и сам себя не слышит,
и марево колышется и дышит,
гудит в траве пчелиный контрабас.
Ну что стоишь, как будто неживая,
последний день как будто доживая,
покуда век дожевывает нас?

Пиши: у них тогда бывали сходки,
одна рука выстукивала сводки,
над степью лился раскаленный свет;

стучит вагон, в вагоне едет Вронский;
зубная боль, стрельба по-македонски,
стальная пчелка чиркнула: «Привет!»

Вот чиркнула – и сразу отпустило,
и гаснет бесполезное светило,
Саур-Могила тает в темноте;
летит письмо из сумрачного края –
их носит безразличная, немая,
нездешняя сорока на хвосте.

Там зной не зной, обида – не обида,
надменный мерный шелест Фукидида,
незрячий мрамор, шествие камней.
Железный полдень дребезжит трамваем,
и старый друг бредет, неузнаваем,
неразличим среди других теней.

Кружит моток, поблескивает спица,
и собеседник в зеркале двоится –
еще не он, почти уже не ты;
смеркается. По городу во мраке
слоняются бездомные собаки
и брешут на червленые щиты.

* * *

Говорят, он не выдаст. Слово не воробей –
когда выйдет весь
твой последний воздух, он скажет тебе: забей,
ты уже не здесь,

скажет: видишь, уже не больно, спрячет тебя на потом
в кротовой норе,
будешь птицей за пазухой, алым зерном
в гранатовой кожуре.

Третья весна на подступе, крылья ее легки;
следы на черном снегу.
Как живется тебе у железной твоей реки,
на огненном берегу?

Огонь-река, бетонные острова,
проволочное гнездо.
Говорят, огонь все делит на два –
на после и до.

День за днем в полотняный мешок, вот и вышел год,
и каждый наперечет.
Столько текло, да не вытекло – вот,
до сих пор течет:

медлит, не отдает свое,
цепляется за края.
(Говорят, если ты слышишь ее –
она не твоя.)

Это все уже было – брусчатка, мешки с песком. –
Рассказать кому.
Вспышка, долгая тьма. Сейчас допоем –
и уйдем во тьму.

В колею впечаталась колея –
след в след.
Говорят, в огне брода нет, радость моя.
Брода – нет.

